

«На стеклах настыл мороз, матовый, без перламутровых блисков, Тронешь ногтем — и на подонокник посыпется сухая пыльца. А за окном, в стронционом сиянии месяца падает медленный снег, и не слышно шороха спускающихся снежинок».

Помню, впервые ввязавшись за повесть В. Коньякова «Снегири горят на снегу», еще не зная, о чем пойдет речь дальше, я уже воочию видел крепкоморозную ночь в бледно-зеленоватом, «стронционом» сиянии и почему-то твердо был убежден, что такое мог написать только недо- жинный живописец, способный одним мазком создать за- поминающийся образ.

Предчувствие не обмануло. Книгу написал профессио- нальный живописец.

Об этом интуитивном своем ощущении я вновь вспомнил, когда совсем недавно случилось разговаривать нам с Ва- силием Михайловичем Коньяковым и о его произведениях, и о сути творчества вообще.

— Василий Михайлович, — спросил я его, — начинали вы, как известно, со станковой живописи. И, кажется, подавали надежды. Почему вы тогда «изменили» живописи?

— Да, я готовился стать профессиональным живописцем. С отличием окончил Ростовское художественное училище. Предрекали и в самом деле неплохую будущность. Однако «измена» не была внезапной. Любость к живописи у меня всегда сосуществовала с любовью к поэзии. Я рано начал печатать стихи в газетах, журнале, коллективных сборниках. Так что поэтическое и изобразительное восприятия шли у меня всегда рядом. После училища поехал домой, в Сибирь, хотя на руках был свободный диплом и устраиваться мог, где хотел. Но я считал, что не смогу существовать в искусстве вне Сибири. Ехал на родину с радужными и честолюбивыми надеждами — удивить, покорить своим талантом... Но и без меня, огазывается, в Новосибирске было немало хороших художников. А главное — очень уж хотелось как-то выразить свое ощущение жизни. Было оно светлым, радостным, полным сочных красок...

— Переполненность выплеснулась и в названии вашей первой повести — «Цвет солнечных бликов».

— И переполненность, и мажорность восприятия, и большие запасы нереализованной художественной потенции. Первая проба пера прошла удачно. Решился сразу же написать вторую повесть. «Не прячьте скрипки в футлярах» тоже была принята хорошо. Увы, на живопись совсем перестало хватать времени. Да и пора было уже определяться окончательно.

— Однако, читая ваши книги, чувствуешь, что живописец в вас засел прочно. Об этом говорит и манера повествования — живопись словом, и сквозная связующая мысль в ваших произведениях: в душе каждого человека есть свой художник. Душой художника в ваших произведениях обладают не только профессиональные живописцы Губарев из «Цветов солнечных бликов» и Уфимцев из повести «Снегири горят на снегу», но и мальчик Димка («Димка и Журавлев»), и юный токарь Борис Лебедев («Не прячьте скрипки в футлярах»), и плотник Чесноков-старший («Далекie ветры»), которому принадлежит удивительно точные слова: «Художник тот — у кого «сердце смотрит».

— Слова эти касаются любого человека, относящегося к своей работе творчески. Относительно того, засел ли во мне живописец... Однажды примерно такой же вопрос я задал сам себе. И обнаружил, что героев своих

я прежде всего вижу, ощущаю зрительно. Вижу глаза, лица, их движения, жесты, предметы, их окружающие. И все это в цвете, объеме. А когда мои герои заговаривают вот так, зрительно, тогда я

могу уже представить их в различных ситуациях и психологических состояниях.

Случается даже, что поразивший воображение предмет или деталь вдруг выскакивают творческий импульс. Вспоминаю, как родилась мысль написать «Димку и Журавлева».

Я люблю сесть на электричку и сойти по пути на незнакомой остановке и очутиться в незнакомой деревне. В одну из таких «командировок» взял я с собой сына Димку. Мы вышли на каком-то полустанке, пошли вдоль по улице. Возле одного из домов стояла запряженная в сани лошадь. От нее шел пар, морда закуржавела. Сынишка остановился, внимательно стал разглядывать животное. «Дим, ты чего?» — удивился я. И сын сказал: «Пап, смотри, какие у нее красивые глаза, как мыльные пузыри». И меня словно ударило — какое поразительно-точное сравнение! И я вдруг вспомнил — далекое свое детство, подумал, что и я, и мои друзья-мальчишки воспринимали лошадей именно такими: умными, красивыми, надежными товарищами. И до боли захотелось вернуться в детство, посмотреть на него глазами тех мальчишек далекой военной поры. А для себя, вспоминаю Димкино сравнение, я еще раз убедился, как необходимо художнику поражаться каждый раз миру, подобно ребенку. И, знаете, я постоянно живу с сознанием того, что моя душа в состоянии увидеть нечто такое... Это обнадеживает, заставляет садиться за стол, позволяет надеяться, что сможешь разбудить в читателе радость мира...

— Радость мира?

— Да-да! Каждая книжная страница должна нести в себе ощущение праздника — от колоритного ли мазка, неожиданного ли образа или удачной словесной находки. Впрочем, это, все-таки, верхний, живописный слой. Под ним — тревоги и заботы общества, волнующие писателя.

та суть жизни, которую художник стремится выразить. Само же восприятие — живописное или какое-либо еще — становится средством выражения этой сути.

— А позиция автора?

— Позиция автора — это совесть. Как совесть художника соотносится с тем, что происходит в мире.

Мы помолчали, а я подумал, что поправка на совесть сделана Коньяковым не случайно. В своих произведениях он и сам предстает очень совестливым писателем. Вероятно, поэтому со страниц его повести так обнаженно-остро и болезненно-

случайно спросил вас о «возвращении» к деревенской теме. В последнее время вы неожиданно углубились в довольно-таки непривычную для вас, как писателя, среду. Я имею в виду новую вашу повесть «Мужские дела», которая опубликована в мартовском номере журнала «Сибирские огни», посвященную рабочему классу. Как возникла идея написать эту, я бы сказал, экспериментальную вещь?

— Для меня тема «человек у станка» никогда не была неожиданной и непривычной. В повести «Не прячьте скрипки в футлярах» я уже рассказывал о рабочем человеке. Со временем производственная тема стала популярной, и я как-то подумал: а что если взять Бориса Лебедева и продолжить его судьбу уже в наших днях — кто же он такой сегодня, «человек при машине»? Но о том Лебедеве я знал все (в чем-то это была и моя судьба: я тоже работал перед армией токарем на заводе), а о современном рабочем знал очень мало. Писательские выступления перед рабочей аудиторией этого знания не дополняют. Да и техника, станки нынче другие. И мне страшно захотелось побывать рядом с сегодняшним Лебедевым на современном заводе. Не официально, не как писателю, а на равных, раствориться в рабочей среде. И я три месяца пробыл на заводе стажером. Я увидел, что на заводе немало людей озабоченных, людей с болевой совестью, способных брать инициативу на себя. И еще заметил, что в основной массе рабочий человек глубоко неразличен к творческому самоутверждению, к тому, чтобы его талант не обезличивался. Вот примерно об этом я и попытался рассказать в повести «Мужские дела».

— Творческая дорога ваша началась с повести о художнике. Потом — произведения о проблемах деревенских, теперь вот — о рабочем классе. Куда далее устремится ваш путь?

— Сейчас я почувствовал, что еще очень и очень многого не сказал. Ощущение такое, что до сих пор я берег силы для своих «нетронутых полей». Прежде всего мало сказал о деревне. Писал о ней как-то выборочно, а целая страна сибирской деревни так и осталась мною не взятой. Хочется поглубже окунуться в жизнь сегодняшней деревни и посмотреть, какими же приметами обозначена душа у человека современного села. Ни строчки не написал пока об армии. А ведь семь лет прослужил. И это тоже не так-то просто — семнадцатилетним парнишкой участвовать в войне с Японией. В общем, как говорится, чернильница большая, а я пока только обманул в нее перо. Хватило бы сил...

И Василий Михайлович улыбнулся своей обычной застенчиво-мягкой улыбкой доброго, душевного человека. «Да» — согласился я мысленно, — только бы хватило сил. А уж ожидания читателя еще не раз встретиться с правдивой, бескомпромиссно-честной, и художественно проникновенной прозой Василий Коньяков не обманет».

Беседу вел
Алексей ГОРШЕНИН.

ЗА ПИСАТЕЛЬСКИМ СТОЛОМ — — — ПОНЯТЬ ТРЕВОГУ ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

злободневно встают социальные и морально-нравственные проблемы, касающиеся различных сторон нашей жизни. В частности, процессов, происходящих в современной деревне. Тревожит писателя прежде всего то, что с ростом материального благосостояния стала ослабевать потребность людей в красоте, мельчают духовные ценности, забываются традиции.

— Вспомнил я сейчас ваших «Снегирей» и вот что подумал. Проблема сохранения духовного богатства при опережающих темпах технического развития и растущем материальном достатке чрезвычайно сложна и не решается одним днем. Обнаружив ее в свое время, вы показали себя не только изобразительно, но и социально зорким художником. Проблема осталась и даже еще более усугубилась, хотя со времени появления повести «Снегири горят на снегу» прошло полтора десятка лет. Не возникает ли у вас желания вновь вернуться к поставленной когда-то проблеме.

— Возникает. Частенько наезжая в деревню, что же я вижу? Прежде всего, что современная деревня наполнена самой разнообразной техникой, что материально человек здесь обеспечен. Все у него есть: и хлеб насущный, и телевизор, и красивые Дома культуры. И я бы радоваться должен, видя своих земляков в полном довольстве. Но что-то тревожит меня в этом благополучии. Все чаще слышу: жили беднее, а лучше, веселее. Надо понимать — душевно раскрепощеннее. Так, может быть, это душа русского человека — искони большая и высокая — подает голос, придавленная сытостью и благополучием. Человек и в новых условиях продолжает искать себя, свою душу. Русский человек всегда был творчески богат. Не оскудел и сейчас. Только, я думаю, зачастую не может найти выхода, как-то реализовать...

— Василий Михайлович, я не